

УДК 141.319.8

DOI:10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-0

Мальков А. В.

Субъект юридической герменевтики: К антропологическому опыту русской философии конца XIX – начала XX в.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, д. 46, Белгород, 308012, Россия;
alexsey-malkov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема субъекта юридической герменевтики в контексте русской философской антропологии. Исследование направлено на преодоление узкотехнического подхода к толкованию права через обращение к антропологическим основам правопонимания. Особое внимание уделяется комплексу проблем, возникающих в практике толкования и применения закона: проблеме смысловой неопределенности правовой нормы, которая не может быть разрешена без учета ценностных установок интерпретатора; конфликту между универсальностью закона и конкретной жизненной ситуации, требующей нравственной рефлексии субъекта; проблеме диалогической природы понимания, где субъект вынужден согласовывать различные правовые позиции. Обосновывается, что субъект интерпретации предстает как нравственная и культурно образуемая личность, неизбежно вовлеченная в диалог и ценностный выбор. Отказ от формально-догматического подхода позволяет рассмотреть юридическую герменевтику как философию понимания права в контексте человеческой жизни. Это определяет тенденцию развития современной правовой мысли: переход от герменевтики как искусства толкования текста к герменевтике как экзистенциальной и антропологической традиции.

Ключевые слова: философская антропология; юридическая герменевтика; субъект; закон; интерпретация

Для цитирования: Мальков, А. В. (2026), «Субъект юридической герменевтики: К антропологическому опыту русской философии конца XIX – начала XX в.», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(1), 121-127. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-0

A. V. Malkov

Subject of legal hermeneutics: to the anthropological experience of 19th-20th century Russian philosophy

V.G. Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia;
alexsey-malkov@yandex.ru

Abstract. This article examines the subject of legal hermeneutics in the context of Russian anthropology. The study aims to overcome the narrowly technical approach to the interpretation of law by addressing the anthropological foundations of legal understanding. Special attention is paid to the complex of problems that arise in the practice of interpreting and applying the law: the problem of the semantic uncertainty

of a legal norm, which cannot be resolved without taking into account the interpreter's value orientations; the conflict between the universality of the law and the uniqueness of a particular life situation, which requires the subject's moral reflection; and the problem of the dialogical nature of understanding, where the subject is forced to reconcile different legal positions. The author argues that the subject of interpretation is a historical, moral, and culturally specific individual who is inevitably involved in dialogue and value choices. By abandoning the formal-dogmatic approach, legal hermeneutics can be understood as a philosophy of understanding law in the context of human life. This represents a major shift in the development of modern legal thought, moving from hermeneutics as a technique to hermeneutics as an existential and anthropological tradition.

Key words: anthropology; hermeneutics; law; interpretation; subject

For citation: Malkov, A. V. (2026), "Subject of legal hermeneutics: to the anthropological experience of 19th-20th century Russian philosophy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(1), 121-127, DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-0

Концепция субъекта, пройдя через радикальные трансформации от античности к современности, остается одной из стержневых в философии. Трансформация философской мысли привела к переосмыслению самого статуса субъекта. Философская герменевтика XX века, во многом благодаря М. Хайдеггеру и Х.-Г. Гадамеру, характеризуется принципиально новым пониманием: субъект более не мыслится как независимый наблюдатель, но как исторически обусловленный участник традиции, чье понимание всегда предструктурировано языком, предрассудками и пред-пониманием, что делает процесс интерпретации диалогичным и незамкнутым. В классической парадигме субъект и объект противостояли друг другу как антагонисты. Философская герменевтика отвергает эту модель автономного, тождественного самому себе субъекта, возвращая ему жизненную конкретность. Вместо этого она предлагает понимание интерпретирующего сознания как укорененного в истории и культуре. Таким образом, если классический подход настаивает на нейтральности интерпретатора, стремящегося к объективному смыслу, то философская герменевтика акцентирует его неизбежную вовлеченность, историческую обусловленность и диалогическую природу, тем самым преодолевая иллюзию «чистого» субъекта познания. Классическое представление об автономном субъекте сменяется более сложным взглядом на интерпретирующее «Я». Это «Я» не статично, а пребывает в постоянном развитии, непрерывном диалоге с культурной традицией, текстами и другим «Я».

Философско-герменевтическая проблематика транслируется и на юридическую герменевтику, где субъект проходит аналогичные стадии изменения. Трансформацию субъекта юридической герменевтики иллюстрируют труды современных российских правоведов И.П. Малиновой (Малинова, 1995), А.И. Овчинникова (Овчинников, 2002), А.Е. Писаревского (Писаревский, 2004), А.В. Смирнова и А.Г. Манукяна (Смирнов, Манукян, 2008), Е.Н. Тонкова (Тонков, 2016) и др. Необходимо также отметить коллективный труд ученых-правоведов (Юридическая герменевтика..., 2016).

В свете антропологической традиции субъект наделяется более обширными и качественными характеристиками. Субъект юридической герменевтики с антропологической точки зрения – это не просто судья или юрист, а «человек интерпретирующий», погруженный в конкретную жизненную среду. Его процесс толкования права – это не механическая дедукция, а акт понимания, который всегда диалогичен. Он ведет диалог, во-первых,

с нормативным текстом, который сам является продуктом иной культурной и исторической эпохи. Во-вторых, он ведет диалог с той культурной средой, в которой эта норма должна быть применена. И в-третьих, он не может избежать диалога с самим собой, со своими собственными смыслами и идентичностью. Право – это не просто система норм, а культурный феномен, форма социальной жизни. Оно воплощается в практиках, ритуалах, нарративах, символах и властных отношениях. Следовательно, и субъект юридической герменевтики с антропологической точки зрения перестает быть нейтральным и абстрактным.

Особое внимание хотелось бы уделить концептуализации субъекта в контексте русской антропологической традиции конца XIX – начала XX в., представляющей глубоко своеобразное явление, которое кардинально отличается от западноевропейской традиции, восходящей к Р. Декарту. Русская мысль отвергла чисто гносеологический (познающий) и рационалистический субъект, поставив на его место субъекта цельного, нравственного и ответственного. Главный вектор творчества русских мыслителей (от славянофилов до В.С. Соловьёва) был направлен против расчленения человека на разум, волю, чувства, что было характерно для западноевропейского рационализма. Русская философия настаивала на целостности субъекта. Для русской философии главный вопрос – не «Что я могу знать?» (как у Канта), а «Как мне жить?» и «В чем смысл жизни?», что говорит о нравственности и ответственности субъекта. Аналогично трансформируется и герменевтика, она в свете русской философско-антропологической мысли – не методология, а антропологическая практика, ориентированная на целостного, нравственного и укорененного в общности человека. Понимание – это не только работа интеллекта, но всего существа человека: его веры, любви, интуиции, эстетического чувства и нравственного опыта.

Касательно юридической герменевтики постановка проблемы субъекта традиционно ограничивается вопросом о его законных полномочиях и методах толкования. Русская философская антропология предлагает выйти за эти узкие рамки, обращаясь к экзистенциальным и этическим основаниям самого интерпретатора. Идеи Вл. Соловьёва и М.М. Бахтина позволяют построить многомерную модель субъекта, чья деятельность укоренена не в процедуре, а в нравственном законе, жизненной конкретике и диалоге с Другими.

Рассмотрим позицию русской антропологической мысли XIX века на примере концепции В.С. Соловьёва. Он не создал отдельной антропологии или теории субъекта, в центре его философии – проблема «сущего» или «абсолюта» (часто отождествляемого с Богом в философском, а не только догматическом смысле). Это сущее существует объективно, независимо от сознания человека, и является источником всего существующего. Его понимание человека (антропология) и субъекта права (юриспруденция) неразрывно связаны и вытекают из центральной идеи всей его философии – Всеединства и Богочеловечества. Для него основанием всякого человеческого действия, включая правотворчество и правоприменение, является нравственный закон. Этот закон не является внешним предписанием; он имманентен самой структуре человеческой личности, понимаемой как целостность разума, воли и чувства. Нравственность, по его мнению, заложена в человеческой природе изначально, так как: «Человек в своем разуме и совести как безусловная внутренняя форма для Добра как безусловного содержания» (Соловьёв, 1990а: 49).

Соловьёв утверждал безусловную связь права и нравственности. Право есть «минимум нравственности», ее принудительно обеспечиваемый базис. Право есть исторически-подвижная реализация необходимого принудительного равновесия двух важнейших нравственных интересов – общего блага и личной свободы (Соловьёв, 1990а: 450, 453). Следовательно, субъект юридической герменевтики для Соловьёва – это не техник, применяющий норму, а носитель нравственного сознания, чья главная задача – обнаружить

и реализовать в конкретном решении нравственную цель права, которая всегда направлена на утверждение добра и справедливости. По Соловьёву же, общие, сущностные «признаки добра, как такового: его чистота или самозаконность (автономия), поскольку оно ничем (внешним) не обусловлено; его полнота, или всеединство, поскольку оно все собою обуславливает, его сила или действенность, поскольку оно через все осуществляется» (Соловьёв, 1990а: 49). Нравственная задача права заключается в том, чтобы смирять злые наклонности людей, бороться с произволом и несправедливостью сильных мира сего, обеспечивать всеобщее равенство и свободу, обуздывать эгоизм конкретных лиц (Соловьёв, 1990b: 299).

Подход Вл. Соловьёва направлен против юридического позитивизма, где закон самодостаточен. Интерпретатор, лишенный нравственного ориентира и ответственности, по Соловьёву, рискует вынести формально правильное, но бесчеловечное решение. Нравственный закон выступает высшим герменевтическим критерием, позволяющим отличить правду от формальной правильности. При этом такой закон находится между идеальным добром и злой действительностью. Такая позиция характеризует субъект юридической герменевтики как лицо, обладающее или не обладающее нравственным ориентиром, при этом сам нравственный ориентир служит индикатором корректности его интерпретации, так как при отсутствии нравственности интерпретация, а следовательно, и последующее применение, будут отличаться «отсутствием доброты», которая в свою очередь является главным критерием самого наличия права.

Русская философская мысль первой трети XX века выработала уникальную модель герменевтического субъекта, преодолевающую крайности трансцендентального идеализма и психологизма. В синтезе диалогического принципа М.М. Бахтина, онтологии П.А. Флоренского и феноменологии понимания Г.Г. Шпета конституируется субъект как ответственный участник смыслопорождающего диалога, укорененный в языковой реальности. Данная модель предлагает альтернативу для современной теории юридического толкования, в которой задаются три фундаментальные координаты герменевтического субъекта – диалогичность, открытость, структурность.

М.М. Бахтин предлагает модель, которая синтезирует нравственный императив Соловьёва, но нравственность воплощается через призму диалогической ответственности: «Жизнь по своей природе диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь – всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» (Бахтин, 1979: 318). Бахтин утверждает, что единственной реальной средой существования человека является поступок – ответственный и уникальный акт в неповторимой ситуации (Бахтин, 1994: 20-21). Право – это тоже поступок. Следовательно, субъект юридической герменевтики – не беспристрастный наблюдатель, а ответственный участник события. Ни один юридический акт не совершается в вакууме. Интерпретатор постоянно находится в диалоге: с текстом закона, с культурной традицией, со сторонами конфликта, с обществом. Его решение – это ответ, данный в рамках диалога. Бахтинская ответственность – это экзистенциальная ответственность за свой ответ-поступок перед Другим. По М.М. Бахтину, поступок – это ответственный способ отношения к миру, раскрывающийся через действие в мысли, деле; это соотношение возможности и действительности, где возможность – то, что потенциально осуществимо, а действительность – это бытие, обнаруживаемое через ряд событий при помощи активного начала, поступка (Курносикова, 2006: 122). Это означает, что судья не может спрятаться за «букву закона»; он несёт личную ответственность за последствия своего толкования для конкретной жизни.

Если Михаил Бахтин задает горизонтальное измерение субъекта юридической герменевтики (диалог с Другим), то вертикальное измерение задается Павлом Флоренским в его символической герменевтике, где мир понимается как система символов, а каждое явление указывает на иную, высшую реальность. Понимание у него – расшифровка этих символических соответствий. Для юридического толкования этот подход предлагает выход за пределы «чистого» права: правовая норма понимается не только как инструкция, но и как символ правового порядка, указывающий на идею справедливости.

Философия имени в учении П.А. Флоренского основана на патристической идее: имя – энергия и сила сущности. В основу имени Флоренский закладывает мистическое «слово кудесника»: «...слово кудесника, – пишет он, – есть новое творение, мощное, дробящее скалы, вверзающее смоковницу в море идвигающее горою, низводящее луну на землю, останавливающее облака, меняющее все человеческие отношения, всё могущее. Слово кудесника – сильнее воды, тяжелее золота, выше горы, крепче металла и горючего камня алатыря» (Флоренский, 1909: 409). Поэтому такой высокой является ответственность конкретного создателя символов, ибо неправильные имена могут увести от реальности и заменить ее. «Право на символотворчество принадлежит лишь тому, кто трезвенной мыслью и жезлом железным пасет творимые образы на жизненных пажитях своего духа. Не виртуозность разработки, но аскетическое трезвение в самом буйстве творческих порывов есть признак истинного творчества» (Флоренский, 2013: 121). У Флоренского субъектом является причастник Логоса, чье понимание сопряжено с ответственностью. Толкование текста становится аналогом литургического действия, где слово претворяется в плоть смысла. В правовом контексте: юрист-толкователь призван быть не функцией, а «ипостасью» правового слова, через которую закон воплощается в конкретной исторической ситуации. Тем самым, именно ответственность субъекта становится точкой пресечения горизонтали Бахтина и вертикали Флоренского.

Интеграция идей В.С. Соловьёва, М.М. Бахтина М.М., П.А. Флоренского создает философско-антропологический фундамент для переосмысления субъекта юридической герменевтики. Субъект юридической герменевтики предстает как нравственно чуткая, воплощенная и диалогически ответственная личность, чья задача – не просто апплицировать норму, а совершить правовой и нравственный поступок, рождающий право, адекватное жизни и человеческому достоинству. Этот синтез представляет собой уникальный вклад русской антропологической традиции в юридическую герменевтику.

Когда судья или иной субъект интерпретирует понятие «справедливость» или «добро» в споре между представителями разных традиций, он выступает именно как такой человеческий осознающий субъект. Он не может просто механически применить закон, он должен понять, как это правовое понятие живет и наполняется смыслом в конкретной человеческой общности. Он должен герменевтически вжиться в жизненный мир другой культуры, чтобы его толкование не было насильственным и отчужденным. Следовательно, ключевая характеристика такого субъекта – рефлексивность. Субъект осознает свою собственную культурную и социальную предопределенность и то, как она влияет на его интерпретационные решения. Он признает, что право – это не замкнутая логическая система, а «поле смыслов», открытое для борьбы и диалога различных значений. В этом контексте фигура интерпретатора расширяется: им становится не только официальное лицо (судья, чиновник), но и обычные люди, сообщества, которые в своей повседневной практике «прочитывают», интерпретируют и применяют правовые предписания, часто наделяя их совершенно неожиданными смыслами, что и становится предметом изучения антропологии права.

Изучая концепт субъекта юридической герменевтики в свете антропологии, не стоит забывать, что субъектом юридических правоотношений выступают не только люди, а еще

и иные образования, к примеру – организации. В классической юридической герменевтике (искусстве толкования правовых текстов) субъектом обычно выступает конкретный человек: судья, юрист, ученый. Его понимание обусловлено личным опытом, предрассудками, историческим сознанием. Когда же субъектом толкования становится организация, мы сталкиваемся с феноменом коллективного, институционализованного сознания, которое антропология позволяет рассмотреть как особую культурную систему. Антропология не рассматривает организацию просто как сумму индивидов. Это социальный организм со своей собственной «анатомией» и «физиологией». Так, например, Михаил Бахтин утверждал: «... акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности: и за свое содержание (специальная ответственность), и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности» (Бахтин, 1979: 22). Тем самым диалогичность и ответственность субъекта не исчезает ввиду его преобразования в организацию или иную форму коллектива, эти характеристики отражаются на группе, принимающей решение за такой субъект. Организация не просто «размышляет» о праве, она создает особый социальный мир, в котором право обретает свое действующее значение через сложные процессы внутренней коммуникации, поддержания власти и воспроизводства собственной идентичности. Это дополняет юридическую герменевтику постановкой антропологического вопроса организации коллективной жизни.

Таким образом, исследуя проблему субъекта юридической герменевтики в антропологии, мы говорим о субъекте, который осуществляет толкование права как культурного текста. Этот субъект историчен, нравственен, культурно специфичен, вовлечен в диалог и властные отношения. Его задача состоит в том, чтобы выработать интерпретацию, которая будет аутентичной и легитимной в рамках конкретного человеческого контекста, признавая плюрализм смыслов и культурное многообразие правового бытия. Это переход от герменевтики как техники к герменевтике как философии понимания права в контексте человеческой жизни.

Литература

- Бахтин, М. М. (1979), «К переработке книги о Достоевском», *Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва, 308-327.
- Бахтин, М. М. (1994), «К философии поступка», *Работы 1920-х годов*, Next, Киев, 9-69.
- Курносикова, Е. А. (2006), «Моральная рефлексия М. М. Бахтина как особый феномен культуры», *Интеграция образования*, 2, 118-122. EDN: JWWJWJ
- Малинова, И. П. (1995), *Философия права (от метафизики к герменевтике)*, Изд-во УрГЮА, Екатеринбург. EDN: ZCEZSF
- Овчинников, А. И. (2002), *Правовое мышление в герменевтической парадигме*, Изд-во Ростовского ун-та, Ростов-на-Дону.
- Писаревский, А. Е. (2004), «Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм»: Дисс. ... канд. философских наук, Краснодар. EDN: NNAMKL
- Смирнов, А. В. и Манукян, А. Г. (2008), *Толкование норм права*, Проспект, Москва. EDN: QQMPPEL
- Соловьёв, В. С. (1990а), «Оправдание добра: Нравственная философия», *Сочинения в 2 т. 2-е изд., Т. 1*, сост., общ. ред. и вступ. ст. Лосев, А. Ф. и Гулыга, А. В., примеч. Кравец, С. Л. и др., Мысль, Москва, 47-580.
- Соловьёв, В. С. (1990б) «Три речи в память Достоевского», *Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2*, сост., общ. ред. и вступ. ст. Лосев, А. Ф. и Гулыга, А. В., примеч. Кравец, С. Л. и др., Мысль, Москва, 289-323.

Флоренский, П. А. (1909), «Общечеловеческие корни идеализма», *Богословский вестник*, 3, 409–423.

Флоренский, П. А. (2013), *У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики)*, Т. 2. Академический проект, Москва.

Тонков, Е. Н., Ветютнев, Ю. Ю. (ред.) (2016), *Юридическая герменевтика в XXI веке: монография*, Алетейя, Санкт-Петербург. EDN: VWNFPN

References

Bakhtin, M. M. (1994), “Toward a Philosophy of the Act”, in *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s], Next, Kiev, 9–69, Ukraina (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1979), “Toward a Reworking of the Book on Dostoevsky”, in *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art], Iskusstvo, Moscow, USSR, 308–327 (in Russ.).

Kurnosikova, E. A. (2006), “The Moral Reflection of M. M. Bakhtin as a Specific Cultural Phenomenon”, *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2, 118–122 (in Russ.). EDN: JWJIWJ

Malinova, I. P. (1995), *Filosofiya prava (ot metafiziki k hermenevtike)* [Philosophy of Law (From Metaphysics to Hermeneutics)], Publishing house of Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia (in Russ.). EDN: ZCEZSF

Ovchinnikov, A. I. (2002), *Pravovoe myshlenie v hermenevticheskoy paradigme* [Legal Thinking in the Hermeneutic Paradigm], Rostov University Publishing House, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Pisarevsky, A. E. (2004), “Legal Hermeneutics: Socio-Philosophical Methodology for the Interpretation and Construction of Legal Norms”, Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences, Krasnodar, Russia (in Russ.). EDN: NNAMKL

Smirnov, A. V., & Manukyan, A. G. (eds) (2008), *Tolkovanie norm prava* [Interpretation of Legal Norms], Prospekt, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QQMPEL

Solovyev, V. S. (1990), “The Justification of the Good”, *Sochineniya v 2 tomakh* [Works in 2 volumes], in Losev, A. F. and Gulyga, A. V. (eds.), vol. 1, Mysl, Moscow, USSR, 47–580 (in Russ.).

Solovyev, V. S. (1990), “Three Speeches in Memory of Dostoevsky”, in *Sochineniya v 2 tomakh* [Works in 2 volumes], in Losev, A. F. and Gulyga, A. V. (eds.), vol. 2, Mysl, Moscow, USSR, 289–323 (in Russ.).

Florensky, P. A. (1909), “The Universal Roots of Idealism”, *Bogoslovskiy vestnik* [The Theological Herald], 3, 409–423 (in Russ.).

Florensky, P. A. (2013), *U vodorazdelov mysli: (cherty konkretnoy metafiziki)* [At the Watersheds of Thought: (Features of Concrete Metaphysics)], vol. 2, Akademicheskii proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Tonkov, E. N., & Vetyutnev, Yu. Yu. (eds.) (2016), *Yuridicheskaya hermenevtika v XXI veke* [Legal Hermeneutics in the 21st Century], Aleteiya St. Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: VWNFPN

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Мальков Алексей Вячеславович, аспирант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, Белгород, 308012, Россия; alexsey-malkov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexey V. Malkov, Postgraduate Student of the Department of Theory and Methodology of Science, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia; alexsey-malkov@yandex.ru